

МАРА ОЛТМАН

ТЕЛО ДРЯНЬ

ДОНЕСЕНИЯ
С ФРОНТА (И ИЗ ТЫЛА)

Мара Олтман

Тело дрянь. Донесения с фронта (и из тыла)

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68292154

Тело дрянь. Донесения с фронта (и из тыла): Индивидуум Принт;

Москва; 2019

ISBN 978-5-6042196-2-1

Аннотация

Стоит ли стыдиться волосатых подмышек? ПМС – неизбежное проклятье или женская суперсила? Достойны ли сфинктеры называться восьмым чудом света? И самое главное – как изгнать патриархат из своей вагины? В своей книге американская журналистка Мара Олтман подняла самые табуированные темы, связанные с внешним обликом и внутренними органами женщин. «Тело дрянь» – надежное лекарство от застарелых предубеждений, отравляющих жизнь миллионам людей.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Пролог	8
Верхняя часть	13
1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мара Олтман Тело дрянъ Донесения с фронта (и из тыла)

Посвящается моей маме

Mara Altman

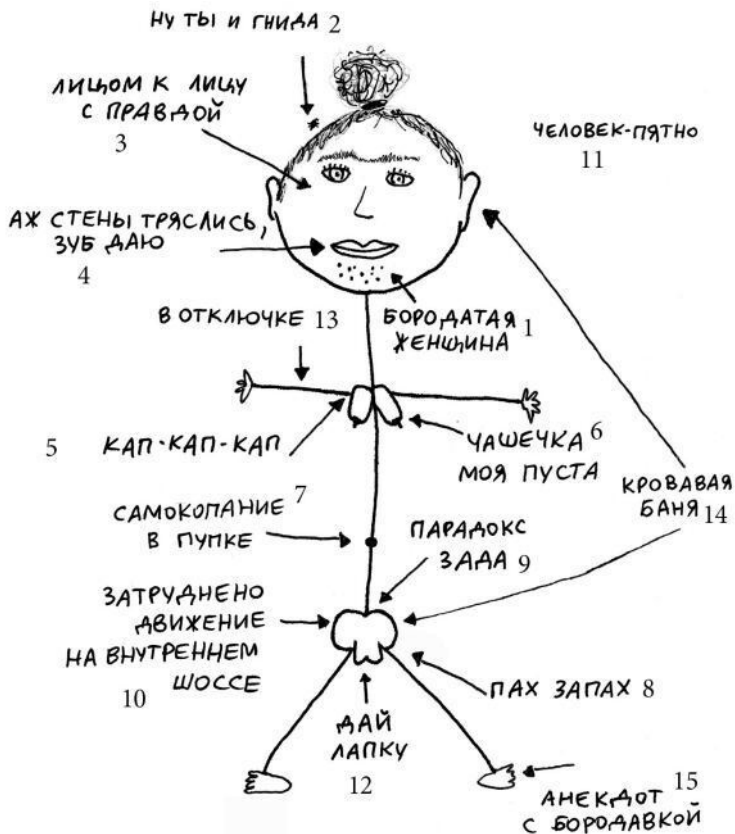
Gross Anatomy. Dispatches from the Front (and Back)

*** * ***

This edition published by arrangement with G. P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC. All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

© Mara Altman, 2018

© ООО «Индивидуум Принт», 2019

Предисловие к русскому изданию

Для меня большая честь – то, что с «Телом дрянью» теперь могут познакомиться и русскоязычные читатели. Узнав, что книгу собираются переводить, я взвизгнула так громко – а я вообще-то не из визгливых, – что мой муж прибежал посмотреть, все ли со мной в порядке. Меня взволновала возможность поделиться с новой аудиторией тщательно собранными сокровищами знания и прозой без прикрас о тех проблемах, которые мы обычно боимся обсуждать, несмотря на то, что они не выходят у нас из головы. Мы привыкли стыдиться многих частей организма, хотя они абсолютно естественны (например, волосы на теле), а во многих случаях жизненно необходимы (как потовые железы). Я руководствовалась надеждой, что раскрыв и поняв контекст, порождающий этот стыд, мы сможем избавиться от клейма позора на наших телах. Поэтому в первую очередь эта книга о том, как вместо негатива испытывать от наших тел благоговение и гордость. Надеюсь, читатели не только получат от нее наслаждение, смех и новые знания, но в глубине души обретут больше уверенности в тех частях тела, которые мы то и дело пытаемся спрятать или изменить. Настало время перестать оправдываться за свое тело. Оно бывает той еще дрянью – и одновременно чем-то прекрасным! Наши вагины пахнут. Под мышками остаются пятна пота. Наши вульвы не

всегда удачно смотрятся в леггинсах. В пупках скапливается всякая грязь. Может, наши анальные сфинктеры и выводят из организма экскременты, но вместе с тем они настолько паразитичны, что вправе называться восьмым чудом света. Прочитав эту книгу, вы убедитесь, что не одиноки, что любой вопрос заслуживает обсуждения и что красоту не наводят, а находят в себе. Но больше всего мне хотелось бы, чтобы от этого путешествия по самым глубоким, темным и умо- рительно смешным уголкам нашей природы у вас захватило дух.

Пролог

Говорят, чтобы освоить какое-либо дело, надо за ним провести 10 000 часов. Я прожила в своем теле 306 600 часов и все еще не очень понимаю, как обращаться с этим мешком мяса. Как только мне кажется, что я освоилась, что-то случается: вырастают груди, проклеиваются усы, в глазах возникают плавающие пятна – и вот я снова шокирована, растеряна и, главное, ужасно заинтригована происходящим. Не могу даже перечислить, сколько раз, особенно после острой еды, я размышляла о том, почему эволюция не додумалась сделать нам задние проходы из более прочного материала. Водопроводные трубы лучше бы справились.

Я с удовольствием представилась бы вам – мол, я Мара и провожу время в попытках излечить рак, побороть голод во всем мире и остановить глобальное потепление. Но мой мозг так и норовит соскочить на вопросы о теле человека, а именно его женской особи. Я вечно раздумываю: какие потенциальные аэродинамические преимущества могут быть у верблюжьей лапки? Или, раз уж мы созданы для того, чтобы потеть, почему я все время прячусь в общественных туалетах и насухо вытираю подмышки, притворяясь, будто у меня нет потовых желез? Почему моя собака, стоит мне присесть, радостно бежит к моей промежности, да еще и с энергией, с которой она атакует только мусорный бак?

Я хочу быть одной из тех, кто по утрам, попивая эспрессо, решает кроссворд из New York Times, – вот хобби, достойное уважения! Вместо этого я думаю, например, о том, почему во время секса я никогда не издаю таких же классных вздохов, как порнозвезда Саша Грей в фильме «Жопстрадаганца 3». Существует ли анонимное общество немых в постели? Вступлю.

Давайте на секунду забудем о том, что я взрослый, ответственный человек, и постараемся приписать вину за эту фиксацию на телесном моим родителям. Они выросли в 60-х и были настолько хиппи, что отказывались называть себя хиппи. «Хиппи – это всего лишь конформисты», – говорила мне мама.

Мои родители познакомились в старших классах школы и потом вместе бросили учебу в Калифорнийском университете в Беркли. Они стали выращивать растения у себя на заднем дворе – в основном кактусы и бессмертники. Зарабатывали они тем, что продавали их в окрестных магазинах и по почтовым каталогам.

Моя мама никогда не пыталась улучшить свой имидж вспомогательными средствами. Ни косметики, ни дезодоранта, ни духов, ни поддерживающих лифчиков, ни высоких каблуков. Она отказывалась от омолаживающих кремов и не могла помыслить о филлерах. (Прочитав это, мама спросила: «Что такое филлеры?» Уффф!) Она не брила ноги и подмышки – и до сих пор этого не делает. Вплоть до конца на-

чальной школы я думала, что все женщины так себя ведут, вплоть до конца начальной школы – тогда я заметила, что у других мам не торчат черные муфты из подмышек, когда они машут руками, призывая детей с площадки домой. Я представляла себе, как видят мою маму из космоса астронавты. «Хьюстон, у нас проблема: в пригороде Сан-Диего замечены две блуждающие черные дыры».

И хотя я гордилась маминой уникальностью, я до смерти боялась, что меня из-за нее будут дразнить. Я объяснила ей, что можно махать мне с меньшим усердием, держа при этом локоть по шву.

Долгое время я многого не знала о «женских штучках». Мне было за двадцать, а я все думала, что чаевые мастеру депиляции дают, чтобы она хранила молчание об увиденном.

Мой отец тем временем смотрел свысока на все, что казалось ему «ненатуральным». Он ненавидел духи и любые искусственные запахи. Однажды я попрыскалась из флакончика подружки «Белым мускусом» от The Body Shop, а папа скривился и открыл в машине все окна. Когда он застал меня с покрашенными губами, то посмотрел на меня так, будто я только что расправилась с огромной пандой и навела себе боевую раскраску ее кровью и кишками.

В общем, я росла, имея особые представления о женственности. Я думала, что как-то искусственно улучшать свой вид – значит страдать от полного отсутствия самооценки. И если я это делаю, значит, я недостаточно крута, чтобы просто быть

собой. Все девочки с косметикой на лице, крашеными волосами, искусственным запахом казались фальшивками. И только я, выходя в мир со своей природной вонью, была настоящей. Конечно, верность себе не спасала от дискомфорта. Во мне постоянно боролись самодовольство и стыд. Постепенно я поняла, что есть способы самовыражения, которые добавляют штрихи к уникальности, а не скрывают ее.

В конце концов я выросла, постоянно размышляя о социальных нормах, потому что никогда им не соответствовала. И хотя сейчас я навожу красоту многими способами, которых раньше чуралась, может, именно из-за своего воспитания я все время задаюсь вопросом «зачем?».

Не уверена, что могу во всем винить родителей. Хотелось бы, но не думаю, что их неприятие бритвенных станков объясняет, отчего последние несколько дней я провела, штудировав современную художественную литературу в поисках упоминаний геморроя. Ну или почему после тяжелой недели я целый час расслаблялась, просматривая видео о выдавливании прыщей на ютуб-канале Dr. Pimple Popper.

Я не утверждаю, что понимаю все лучше, чем другие женщины. Но мои драматические и настороженные отношения с собственным телом, кишками, мозолями, пупком и множеством потовых желез заставили меня искать ответы у знатоков: от идолопоклонников с острова Бейнбридж до главных экспертов по вшам в Дании.

Эта книга не избавит от плохой прически, не вылечит мо-

лочницу или любую другую болезнь. Но я надеюсь, что, наведя увеличительное стекло на наши убеждения, практики и соски, эта книга поможет сделать шаг от самобичевания к восхищению, от стыда к чувству собственного достоинства и от вагинального запаха... Хм, пожалуй, вагинального запаха не избежать. Но послушайте, на самом деле ПМС – это суперсила!

Верхняя часть

1

Бородатая женщина

Это случилось на рубеже столетий. Мне было 19 лет, я училась в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, где полно девушек с молочно-белой кожей и острой мексиканской еды. Как-то раз мы с друзьями отправились поужинать в ресторанчик на бульваре Сепульведа: там очень вкусные тако. Официант Густаво, смуглый и очень красивый, все посматривал на меня.

Никогда не забуду это имя – Густаво. Мы флиртовали за орчатой¹, строили друг другу глазки, когда он подавал гуакамоле. Мои друзья словно куда-то исчезли, и мне казалось, будто мы в комнате одни. Каждый раз, проходя мимо нашего столика, Густаво таинственно смотрел в мою сторону. Я возвращала ему взгляд с дивидендом улыбки и обещанием гораздо большего. Казалось даже, что в долгом брачном танце этого вечера мы непременно поговорим о чем-то важном, а не только о блюдах дня.

Наконец, Густаво принес счет. Сейчас или никогда. Густа-

¹ Рисовый напиток – здесь и далее примечания редактора.

во положил перед моими друзьями счет и склонился к моему ожидавшему уху. Я вся дрожу от волнения: что же он скажет. Номер телефона... адрес... предложение руки и сердца...

И тут с его сочных губ, как червяк с крючка, сорвались пять простых слов, которые навсегда отпечатались в моей памяти.

«Мне нравятся твои блондинистые усики», – сказал Густаво.

* * *

Прошло 11 лет. Я вот-вот выйду замуж за прекрасного мужчину, покрытого волосами. С ним я чувствую себя не только счастливой, но и гладкой. И я посвящаю эту главу ему, потому что мне есть что сказать.

Дэйв, ты себе даже не представляешь.

Но я бородатая женщина.

Нет, не как те тетушки в цирке. Скорее, как те женщины, которых ты изо дня в день видишь на улице, в журналах, в кофейне на углу. Да, Дэйв, они тоже бородатые. Ты ведь, признайся, и подумать не мог о таком, потому что мы все (кроме некоторых уроженок Юго-Восточной Азии, но об этом потом) бесконечно удаляем нежелательные волосы, которые, как назло, на всех нас произрастают.

Видишь ли, эволюция сыграла злую шутку с якобы прекрасным полом. Волосы на подбородке, на сосках, над губой,

на бедрах и – да! – даже на пальцах ног. Богом клянусь, Дэйв, это правда – даже на наших чертовых пальцах ног растут волосы! Как и у тебя! Но разница в том, что мы тратим миллионы, да что уж там, миллиарды долларов на то, чтобы их депилировать, удалять лазером, брить или иным путем сводить с наших тел. И все для того, чтобы, увидев нас голенькими, мужчины не убегали во тьму с дикими криками.

Рассказываю я тебе об этом сейчас, до того, как мы поженимся, потому что, увы, страдаю от двух параллельных недугов: огромного количества волос на теле и генетической предрасположенности к брутальной честности. Казалось бы, это несовместимые вещи – особенно если учесть, что я потратила адские тысячи, чтобы не выглядеть как волосатый зверек. В Испании меня привязывали к стене и пытали горячим воском; раз в месяц я ходила к доктору в Бангкоке на лазерные процедуры, из-за чего мое лицо чуть не стало провальным результатом лабораторного эксперимента. Одноразовых бритвенных станков розового цвета у меня столько, что, кажется, я одна приношу компании Gillette выручку за квартал. Я скребла, брила, выдергивала и выщипывала практически все поверхности на моем теле, включая те участки, которые я обсуждаю лишь со своим психоаналитиком.

Наверное, я тебе об этом рассказываю, потому что сама пытаюсь понять, почему мне не все равно. Я знаю, что ты меня любишь, несмотря ни на что. Я понимаю, что никто никогда не увидит шелковистые темные пряди, которые перио-

дически появляются у меня из сосков, — даже ты. Я осознаю, что я не жертва какой-то страшной гормональной шутки; ку-ча женщин страдает посильнее моего.

Например, та красотка с волосами цвета воронова крыла, что занимается со мной виньяса-йогой на 19-й улице по четвергам. У нее настоящие бакенбарды, и ничего. Но почему, когда я смотрю на себя в зеркало, я вижу Родди Макдауэлла из «Планеты обезьян»? Как мне избавиться от навязчивой мысли, преследующей женщин с незапамятных времен? Каким оружием отбиваться от стереотипов, что все женщины должны быть гладкими, упругими и безволосыми? Когда, наконец, я смогу отпустить волосы? Не на голове, а под мышками, на лице, на ногах и «веселую тропинку» от пупка до лобка. И хочу ли я этого вообще?

Ты меня любишь такой, какая я есть, верно? Так почему я хочу быть кем-то еще?

* * *

На уроке физкультуры в восьмом классе школы на окраине Сан-Диего я узнала, что существуют особенно гадкие волосы на теле. И я — их счастливая обладательница.

Все началось с того, что мы, группа девочек, сидели на траве скрестив ноги. Под униформой — бордовые шорты на резинках и серые футболки, детали того дня я помню плохо — разной степени развития девичьего тела. На моей футболке

черным водостойким маркером, прямо под облезлым принтом с нашим талисманом – рыцарем-крестоносцем, – написано: ОЛТМАН. Ну, такое запоминается.

Пока учитель физкультуры ходил за футбольными мячами, мы сидели без дела на солнцепеке. Чтобы занять руки, я с удовольствием сгребала в горсть траву и выдергивала из земли. Травка. Дёрг. Травка. Дёрг. И так – целую вечность.

Наконец одна из девочек, Эйприл, встала и уперла руки в боки. Она осмотрела меня с ног до головы – уделив больше внимания ногам. Потом она отпрыгнула и возвела руки к небесам. «Фууу, ты не бреешься? – воскликнула Эйприл. – Это ТАК гадко».

Я отпустила пригоршню травы, которую только что выдернула. Травинки упали на землю, как волосы. Все смотрели на мои ноги. Я чувствовала себя Сисси Спейсек в конце фильма «Кэрри». Мои волосинки блестели на солнце, как капельки крови. Под беспощадным солнцем Южной Калифорнии они не могли не привлекать внимания.

Вокруг меня были девичьи ноги. Наступила новая эпоха, вдруг осознала я, осматривая их одну за другой. Бритая. Бритая. Бритая. Бритая. Бритая. Бритая. И, наконец, мои мохнатые икры, которые так бесстыдно являли себя миру, что, казалось, они подают сигналы SOS самолетам в небе.

Конечно, я знала, что женщины бреются. По крайней мере, это было где-то у меня на подкорке. Но только в тот момент я поняла, что обязана присоединиться к этой традиции.

Я одна из них — девочка — и должна вести себя соответствующе, иначе меня будут чураться как прокаженной. Мои волосы вполне могли выглядеть заразными.

Те, кто сидел рядом, всю разглядывали мой мех, и горячий румянец разлился по моему затылку, а затем по щекам. Можно было прижать ноги к груди и накрыть их футболкой. Убежать. Притвориться, что я не слышала Эйприл, и надеяться, что она исчезнет. Я сгребла еще одну пригоршню травы и выдернула ее, мечтая, чтобы с волосами на моих ногах можно было так же быстро и просто разделаться.

Я и так немного отставала от всех. Да что там, *изрядно* отставала. Сантиметров на тридцать ниже, чем средняя восьмиклассница. Никакого чувства стиля. Ну если только не считать «стилем» пять пар треников разных цветов.

Когда мне было двенадцать, мама спросила меня, не хочу ли я джинсы. Я отказалась из практических соображений. «Они такие твердые и холодные по утрам», — объяснила я маме. О том, чтобы пойти в магазин за одеждой, и речи быть не могло. В отделе для подростков мне все было велико, поэтому надо было идти в детский отдел. А там — засилье кофточек в цветочек и носочков в горошек.

Еще я восемь лет профессионально занималась спортивной гимнастикой, и поэтому развивались у меня не груди, а бедра. Группа мальчиков, едва завидев меня на перемене, кричала: «О, мускулистая идет! Покажи бицуху!» Не те округлости во мне замечал противоположный пол.

Я не могла справиться с предпубертатным адом, как другие. Поэтому в тот день, добравшись до дома, я стала рыться в ящике на кухне, где хранилось все на свете, и нашла там идеальный прибор: переносной аппарат для срезания ка- тышков. Я сунула его в рюкзак и пошла к себе в комнату, чтобы провести работы.

Отчего-то мне не пришло в голову попросить маму или папу о бритве. Как-то стыдно было даже подумать о такой просьбе. Я знала, что это противоречило бы всем их жиз- ненным убеждениям. Родители смотрели на мир сквозь ро- зовые очки Беркли конца 60-х и оставались приверженцами «всего натурального», сражаясь с такими социальными сте- реотипами, как удаление волос, – наверное, потому что они мешали ностальгировать по кустистым бровям Джона Лен- нона. Между тем моя мама, как я уже говорила, ни разу в жизни не удаляла волосы на теле.

А папа мой говорил, что ему это очень по нраву. «Обожаю свою волосатую зверушку», – говорил он.

Помимо культивирования стереотипов о бритье, папа ча- сто говорил, что ему не нравится, когда женщины красятся и пользуются парфюмом (вплоть до дезодоранта). В целом мы были волосопозитивным домом, где на практике реализова- лась доктрина «как родился, так и пригодился». Но я, вместо того чтобы свободно оставаться самой собой, как-то неком- фортно чувствовала себя в этой волосяной рубаше. Снова по- ра вспомнить о «Белом мускусе». Папе даже небольшое ко-

личество «Белого мускуса» было противно, а кто же не любит «Белый мускус»?

Очевидно, все мои близкие собрались и втайне от меня подписали пакт против любых способов улучшения и изменения тела.

Однажды я накрасила губы помадой, на что мой старший брат спросил: «Зачем тебе это?» В его вопросе так сквозило порицание, будто он застал меня за употреблением героина. Я возразила, что его-то подружка бреется, пользуется румянами, консилером, помадой, тенями для век, тушью и источает какой-то малиновый запах, который я, кажется, встречала в The Body Shop. Он ответил, что ему она нравится не поэтому. Но в тринадцать лет я уже могла сложить два плюс два: ему нравились девочки, которые прихорашивались. Значит, мальчикам нравятся девочки, которые прихорашиваются. И все же было стыдно, что я на глазах у своих близких решила изменить цвет губ, хотя они смеются над косметикой.

Когда брат пошел делать уроки, я посмотрела в зеркало и стерла помаду. Не хотелось выделяться.

Но удаление волос на теле – это не улучшение внешнего вида. На тот момент я еще не понимала, как должна выглядеть женская нога, и мальчиков привлекать мне не хотелось. Мне было тринадцать, мальчики казались недостижимыми, как тропические рыбки в аквариуме. Мне нравились жесткие плавники и яркие цвета проплывающих мимо рыбок, но

выдувать вместе пузырьки воздуха нам не грозило. Они даже не замечали мой нос, прижатый к стеклу аквариума.

Нет, удалить волосы нужно было из соображений выживания на школьной площадке. Иначе меня могли изгнать за самый дальний обеденный стол. Я содрогалась от мысли, что меня могут снова назвать «гадкой». В это время предпубертатного поворота Эйприл взяла на себя функцию лакмусовой бумажки: самопровозглашенный контролер качества на площадке средней школы Сан-Маркос. Она рывкала на любую девочку, которая не соблюдала границ разделения по гендерному признаку.

И это значило: никаких волос на ногах, леди.

Пока не кончились уроки, мне казалось, что сорок миллионов снайперов пристально следят за моими ногами. Даже случайный поворот зрачка в моем направлении привлекал мое внимание. Страшный позор, как будто ходишь с туалетной бумагой, прилипшей к ботинку. Даже хуже. Ведь волосы с ног не стряхнуть. Я пробовала, я знаю.

Наконец, оказавшись дома, я заперла дверь в свою комнату и вытащила машинку для катышков. Включила ее. Она зажужжала. Я опустила ее к своей икре, испытывая одинаковый стыд от того, что у меня растут волосы, и от того, что я хочу их сбрить. Я поморщилась, ожидая жуткой боли, когда машинка коснется кожи. Но было лишь щекотно, так как машинка явно не подходила для стоящей перед ней задачи.

Волосы не катышки. Нужен план Б.

Я не могла украсть у мамы бритву, как это делали мои подружки, потому что у моей мамы не было бритвы. И хотя папа пользовался одноразовыми синими бритвами Bic для щек, реклама ясно давала понять, что брить ноги можно только розовым предметом.

После недели в длинных штанах я наконец осмелилась спросить маму про бритье.

«Ты уверена, что хочешь это сделать?»

Покинуть мамины ряды. Стать предателем. Лишить маму волосатого союзника. Вот так единственная дочь, плоть от плоти, сбивается с верного пути.

Но. Я. Не. Могла. Иначе.

Я кивнула.

Мама купила мне одноразовую розовую бритву и крем для бритья и проводила в родительскую ванную комнату. Она вручила мне оборудование и уселась поверх унитаза в ожидании. Я поставила ногу на край ванны.

«А дальше что?» – спросила я.

«Я не знаю, – ответила мама. – Наверное, надо провести бритвой вверх по ноге».

«Думаешь, это все?»

«Попробуй», – сказала мама.

Она понятия не имела, как нужно бриться.

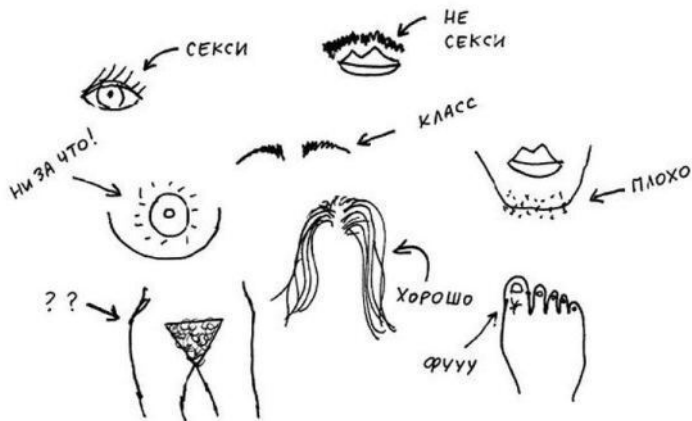
«Вот так?» – спросила я, двигая лезвием вверх.

Бритва оставила за собой гладкую дорожку. Смотри, мам, – волос нет!

Теперь можно было вернуться на школьную площадку и показать Эйприл мои блестящие, гламурные новые ноги.

К десятому классу я наконец стала входить в колею. К моему превеликому удовольствию, у меня выросли волосы на лобке. Я смотрела на них в ванной и думала: вот плоды моего тела! Оставалась в волосатом раю я целых два безмятежных года. Если бы я знала, что это будут единственные два года относительного спокойствия в моей жизни, я бы как следует ими насладились. Может, сняла бы про них документальный фильм. Я была на высоте, ходила на свидания с первыми бойфрендами. Узнала, что у мальчиков лобковые волосы выглядят так же, как у девочек.

ЧТО Я УЗНАЛА В ДЕТСКОМ САДУ

Я уже говорила, что у меня были волосы на лобке? У меня были волосы на лобке! У всех были лобковые волосы!

И вдруг – к концу двенадцатого, выпускного класса в школе – кератин и протеин преступно сговорились совершить марш-бросок наружу через множество крошечных дырочек у меня под кожей. И не только там, где не видно, а прямо над верхней губой!

Я до этого замечала волоски над верхней губой, но игнорировала их – ничтожные, светлые, тоненькие. Но тут они стали длиннее, темнее. При правильном освещении в спаль-

не я узнавала в зеркале Тома Селлека².

Какого, мать его, гребаного черта у меня вдруг выросли усы?

Усы бывают только у мужчин. Я не мужчина. Или как?

Я вспомнила, что у мамы есть такая небольшая бирюзовая коробочка с белыми буквами: осветлитель для волос Jolen. Когда я была маленькой, я часто видела, как она с ней колдует. Она смешивала какой-то порошок с кремом. Вяжущее вещество, которое жгло ноздри при вдохе, пузырилось и пенилось. Мама размазывала похожую на йогурт субстанцию над верхней губой, ждала минут десять, а потом смывала. После осветлителя волосы становились совершенно незаметными.

Тогда я не замечала очевидного маминогo двулйчия. Если она такая либеральная, вся такая «натуральная», зачем ей осветлять волосы над верхней губой?

Задать этот вопрос маме я смогла только через время.

Тогда же я просто достала бирюзовую коробочку из ее шкафчика. Я решила, что о моих усах узнают только самые близкие подруги, Шеннон и Наташа. Одна была белокожей блондинкой, а другая камбоджийкой, и у обеих на теле почти ничего не росло (последняя настолько безволоса, что на депиляции с нее стесняются брать полную стоимость процедуры. Теперь я думаю, что мне стоило бы дружить с парой волосатых итальянских девчонок).

Шеннон и Наташа взялись за осветление вместе со мной.

² Усатый американский актер.

С толстыми белыми полосами над верхними губами мы выглядели как девочки из рекламы молочных продуктов. Это стало нашим ритуалом. Пока осветлитель действовал – сперва щекотал, а потом начинал щипать, – мы выключили весь свет, чтобы мои светящиеся в темноте наклейки в форме жуков загорелись зеленоватым фосфором, сели в круг и подпевали громко группе The Cranberries:

Ин ё хэд, ин ё хэд

Зоомбе, зоомбе, зоомбе-е-е...

Как только я смыла осветлитель, наступило облегчение. Волосики, без сомнения, стали незаметны. Надо только повторять ритуал каждые две-три недели. Все было на мази. Пока я не встретила Густаво.

* * *

Сколько человек замечали мои «блондинистые усики» и не говорили мне об этом? Я стала вспоминать бойфрендов и разные ситуации. К тому моменту я успела поцеловаться с изрядным количеством мальчиков. Неужели их щекотала щетина? Может, поэтому Сэм не позвал меня на второе свидание? А Джонатан? А Билл? Вот почему кассир в продуктовом магазине Vons странно смотрел на меня, пробивая ро-

зовые бритвы для ног? Как же я не понимала, что при оливковом тоне кожи осветление волос добела чревато?

Густаво был первым мужчиной, который отметил волосы на моем теле, но у меня было достаточно данных, чтобы сделать вывод: мужчины против.

За несколько лет до этого я слушала, как в просветительской радиопередаче *Loveline* Адам Каролла и доктор Дрю отвечают какому-то нахалу. Этот придурок жаловался, что у его девушки вокруг сосков растут волосы. Гадость какая, говорил он, и как заметишь эти волоски, так возбуждение сразу пропадает. Парень даже задумался о том, чтобы расстаться с девушкой. Я была в шоке — оказывается, у девушек могут расти волосы вокруг сосков! — и в восторге от того, что меня эта кара благополучно миновала. Но вот прошло три года, и я в ужасе заметила первый сосковый волос. Я узнала, что любой мужчина, который столкнется с моим уродством, меня непременно отвергнет.

Я стала понимать: рамки «нормальности» совсем узкие, и мне в них не пролезть. Вскоре после фиаско с Густаво я заметила, бросив взгляд на линию бикини, что лобковые волосы заступают, ровным строем и без страха, на территорию моих ног и уже готовятся остаться там навсегда на правах поселенцев.

Когда мне было девятнадцать, пришло время впервые посетить мастера по депиляции. Я ее себе представляла как агрессивного пограничника, чья работа – избавляться от лобковых нелегалов. Когда она вошла с полосками воска, я неловко улыбнулась и задала ей вопрос, который с тех пор я всегда задаю на депиляции.

«Я нормальная?»

Она сказала, что да, но я не поверила.

«Вы уверены?» – переспросила я.

«У всех есть волосы», – ответила мне косметолог.

Я знала, что у всех есть волосы, но вопрос-то был не в этом. Я хотела узнать, какой у меня рейтинг по шкале волосатости, потому что это стало превращаться в проблему. Дамы вокруг меня успевали выдернуть волосы до того, как я могла их рассмотреть; оттого мне казалось, будто я – единственное чудовище в безволосом племени.

Косметолог начала выдергивать волосики, перемахнувшие за границы – на сантиметр где-то, – но потом заметила волосы на животе. Какое-то время у меня вниз от пупка шла «веселая тропинка». Меня в 15 лет даже прозвали Веселушкой. Было очень мило.

«Их тоже удаляем, верно?» – спросила косметолог и намазала мне живот воском, не дожидаясь ответа.

«А что там не так?»

Дёрг.

«Ну, вы же хотите от них избавиться», — сказала косметолог, выкидывая мою веселую тропинку в мусорную корзину.

Так я узнала, что веселые тропинки не так уж веселы.

К двадцати годам я наконец свыклась с мыслью, что волосы следует иметь только на голове и в виде ресниц и бровей — и то правильной формы. Волосы на руках тоже, видимо, были в рамках приличий, хотя они очень похожи на волосы на ногах, и это странно. Избавляться надо было даже от волос на пальцах ног. Я и не знала, что у меня они есть, но потом оказалось: да, есть, и это плохо. Всегда вспоминаю, что забыла их удалить, когда усядусь в позу лотоса на йоге, и не могу не думать об этом.

Что касается паха, то новости о бразильской депиляции — когда там все голенькое — еще не дошли до моих ушей, хотя США уже были охвачены этой новой модой. Я думала, что можно все сохранить, кроме волос, которые вылезают из-под купальника. И хотя я иногда подравнивала свою интимную стрижку, мне нравилось иметь там пышную растительность. Остальное я брила, выщипывала, эпилировала воском. У меня начались зависимые отношения с домашними восковыми полосками Sally Hansen. Надо было потереть их между ладонями, тогда воск нагревался, и им можно было выдергивать волосы. Правда, потом было сложно убрать остатки воска, и

к концу дня на него налипали пух и разноцветные катышки, будто на коже островками прорастал свитер.

В институте я на год по обмену поехала в Испанию. Там мне сделали эпиляцию воском, привязав за ноги к стене кожаными ремнями. Я чувствовала себя немного уязвимой, но ничего не сказала. Воск работает – ну и ладно.

В 2003 году, через год после окончания бакалавриата, я поехала в Индию работать в местной газете. Там мне сделали эпиляцию лица нитью. Я сказала, что хочу убрать только волосы над губой и вокруг бровей, но Смиа продолжала. Она потрогала мои щеки и спросила: «Лицо?» Я пожала плечами. Она приняла это как сигнал к действию и выдрала ниткой весь пух из моих щек, подбородка и скул.

Разные люди за деньги пытались лишить меня все большего количества волос. В очередной раз это случилось в небольшом салоне восковой депиляции бикини. Дело было в районе Гринпойнт в Бруклине, несколько лет спустя. Я просто хотела убрать волосы по краям: куст посередине лобка гордо рос уже долгое время. Но когда косметолог увидела меня – увидела *эту* часть меня, – она заглянула мне в глаза с наглостью гадалки и покачала пальцем вперед-назад.

«Мужчина так не любить», – сказала она. Она поднесла пальцы к своему языку и сделала вид, что вырывает из него волосы: «Бе-е-е, бе-е-е», – сказала она, а потом, войдя во вкус, стала изображать мужчину, который насмерть подавился волосами. «Хорошо, что ты приходишь!»

Когда дело подошло к концу, она расстегнула ширинку и показала мне свою лысую киску. «Смотри, – говорит. – Смотри! Нет волос!» Потом она пыталась уговорить меня записаться на лазерную эпиляцию. «Бе-е, бе-е, – объясняла она мне, застегивая штаны. – Они такое не любить!»

Единственное, что мне со временем стало нравиться в удалении волос, – неотвратимые вросшие волосы. Нет в мире ничего – и я серьезно так считаю – ничего приятнее, чем вырвать волос, растущий в неправильном направлении. Точка. Наверное, так проявляется мой материнский инстинкт.

* * *

Я и не подозревала, что худшее – впереди. То, что было дальше, заставило меня с тоской вспоминать о тех временах, когда моей главной проблемой были белесые усы.

Мне 23. Я поступила в Колумбийский университет на годовую магистратуру по журналистике и отправилась делать чистку лица в салон Mario Badescu на Восточной 52-й улице, Манхэттен. Все шло как надо, пока пышногрудая русская дама, исследуя мое лицо под инфракрасным светом, не потеряла мой подбородок.

«От этого надо избавиться», – сказала она с сильным русским акцентом.

Как она их увидела? Я думала, что о них знаю только я.

Она растоптала годы моего счастливого неведения. Низ-

вергла их. Раскрошила в пыль. Как когда на лице зреет гигантский красный вулканический прыщ, ты говоришь себе, что это пустяки, не стоит так беспокоиться, никто не заметит, а потом какой-то знакомый говорит: «Ой, больно, наверное». И показывает пальцем на твой гигантский красный вулканический прыщ, который никто не должен был заметить, а ты в ответ: «Что больно?», а он тебе: «Твой гигантский красный вулканический прыщ!» Остается только закрыть рукой лицо и спросить: «Ой, ты его тоже видишь?» А он: «Ну конечно, это же гигантский красный вулканический прыщ».

Значит, это правда. Мои волосы на подбородке заметны постороннему взгляду. Они настоящие. Они действительно там.

Волосы на моем подбородке!

Конечно, я о них знала – и в то же время не очень. Я думаю, что мой отказ признавать их – живую, растущую, реальную часть тела – происходил из инстинкта самосохранения. Я их даже выдергивала, но потом как-то легко об этом забывала. У меня был гладкий подбородок, черт возьми!

Но тут меня раскусили. Я начала осматривать свой подбородок каждое утро на предмет возникновения этих злосчастных волос. Я стала носить в сумочке пинцет и зеркальце.

Я никому не сообщила об этом бедствии. Когда я обнаружила волосы над верхней губой, я по крайней мере знала, что другие женщины разделяют мой позор. Восковую де-

пилиацию над губой предлагали в салонах. Но я ни разу не видела упоминаний о депиляции подбородка, и спрашивать никого об этом не хотелось. А то скажут еще, что никогда о таком кошмаре не слышали.

У меня появились жуткие навязчивые фантазии, от которых волосы вставали дыбом: я схожу с ума, отправляюсь в психушку, а там некому меня выщипывать. Когда я представляю себе Мару-в-Безумии, стыдно скорее при мысли, что я везде буду волосатая, а не за попытки совокупиться с урной.

А как насчет старости? У Мары-в-Старости руки трясутся от лекарств, которые ей выписывают, а зрение уже не то. Не сможет она нормально прицелиться пинцетом.

Или, может, у Мары-в-Старости болезнь Альцгеймера. Внуки пришли навестить бабушку, она смотрит в стену, тербя пуговку на блузке. «А бабушка – это он или она?» – спросят внуки. Да что там – я больше переживаю за волосинки Мары-в-Деменции, чем из-за того, что она путает племянника с мужем.

А еще меня может на улице Нью-Йорка сбить машина. Семья спешит к изголовью Мары-в-Коме. В шоке они смотрят друг на друга. Нет, не из-за моего плачевного состояния – а потому что не могут меня узнать. «Ну и ну, – скажет мама. – Кто-нибудь из вас догадывался, что у Мары растет козлиная борода?»

Что если она
вырастет
похожей
на меня?

Я знаю, что в мире есть много вещей поважнее и беспокоиться о такой глупости эгоистично. Да что уж там, это нарциссизм. Но я ничего не могла поделать с иррациональным ужасом. Глобальное потепление – у меня под кожей. Геноцид – на моем лице.

Наконец я решила с кем-то поделиться. Во время зимних каникул плотину прорвало.

«Мам, у меня волосы на подбородке!»

«Не вижу».

«Вот, смотри».

Мама подошла поближе.

«Не так близко!»

«Почему?»

«Увидишь волосы!»

Мама сказала, что это дурная папина наследственность, и больше мы об этом не говорили.

Я продолжала учиться в магистратуре и молчала о волосатости. Но тут я завела отношения с парнем. Однажды мы дурачились – ласкались, обнимались – в Центральном парке. Он с нежностью положил руку мне на лицо. «Как мне нравится твой пушок, – сказал он. – Он такой мягкий». И погладил меня от щеки к подбородку. Наверное, ему это казалось романтичным, но я никогда в жизни не была так близка к тому, чтобы обкакаться. Ну разве что когда 12 часов ехала на автобусе из Дхарамсалы в Дели с дизентерией. Я отвернулась

от него как можно быстрее. Пусть гладит мою толстовку.

Отныне все нижеперечисленное было под страшным запретом:

Натуральный свет.

Ненакрашенное лицо.

Мужчина в непосредственной близости.

* * *

Выпустившись из Колумбийского университета, я уехала в Бангкок, работать там журналисткой в тайской газете.

Сейчас, когда прошло время, я понимаю, что это было не лучшей идеей в мире для волосатой закомплексованной западной женщины ростом метр пятьдесят.

Тайцы, как оказалось, не волосаты. У них нигде волосы не растут, только на голове. Какие-то волшебные существа из лысой сказки. Я искала волосы, осматривала людей в толпе, чтобы убедить себя, что я нормальная. Может, я перегибала палку – уверена, у меня была какая-то форма дисморфного расстройства, – но часто казалось, что если я перестану все выщипывать, то борода у меня заколосится покруче, чем у большинства тайских мужчин. От этой мысли я ощущала себя такой несексуальной, что словами не объяснить.

Тогда я решила впервые попробовать метод перманентной эпиляции. В 2005 году я впервые отважилась записаться на лазерную эпиляцию. Раз в месяц я ездила в больницу под

названием Бумрунград в Бангкоке. Там я лежала на койку в ярко освещенной комнате. Пустые белые стены, немного пожелтевшие от времени. Заходил доктор в перчатках, хирургических очках и маске. Медсестра прикрывала мне глаза темными очками и размазывала по коже какое-то желе. Потом доктор где-то минут десять жалил меня в лицо штукой, похожей на шланг от пылесоса. Когда удаляли волосы над верхней губой, надо было складывать язык над верхними передними зубами, чтобы не было больно от прикосновения лазера к десне и чтобы не чувствовать легкий запах плавящейся зубной эмали. Потом на покрасневшее лицо мне клали ледяные компрессы – от него поднималось столько жара, что щеку можно было прикладывать к животам женщин для облегчения боли от месячных.

Наверное, это все не очень полезно, но я об этом тогда не думала. У меня была одна цель: полное уничтожение. Домой я возвращалась на мототакси и никуда не выходила до утра, пока не успокоится опухшее лицо.

Как же я не разглядела проблему? Я всегда была жадной. Например, я никогда не плачу десять баксов за сэндвич, несмотря на то, что от него есть польза и, вероятно, удовольствие. Шесть баксов – максимум. Но при этом я считала рациональным заплатить тысячу долларов за то, чтобы посторонний человек поджарил мне лицо.

На последнем сеансе лазер подняли слишком высоко и сожгли мне верхнюю губу. Теперь там шрам размером с дож-

девую каплю. Когда становится холодно, он белеет.

Если меня спрашивают, откуда этот шрам, я отвечаю: «Однажды варила суп – бобовую похлебку, – и он так кипел, что меня обрызгал... Да, вот так, ожог третьей степени. Офигеть, правда?»

Ага, конечно.

Неловко признаваться, что я себя изуродовала в попытках улучшить внешность. До сих пор неловко.

Даже прямо сейчас.

Уфф, до сих пор неловко.

Не только неловко, но и стыдно. Опять я тот ребенок с машинкой для катышков, занесенной над ногой, – и с волосами стыдно, и без них стыдно. Почему нельзя просто любить себя такой, какая я есть? Почему я трачу деньги и время на то, чтобы прятать себя?

Но если вы думаете, что я завязала с лазером после этих откровений, вы не очень внимательно читали.

Прошло два года. Во время второй лазерной процедуры по удалению волос, уже в Нью-Йорке, я начала думать, что проблема может быть медицинской. Я будто боролась с какой-то экзотической болезнью – но не была в этом уверена: в конце концов, теоретически, если другие женщины тоже страдают от нее, то делают они это поодиночке и за закрытыми дверями. И мне об этом никак не узнать. Ну и наконец, разве могут у других девушек так же буйно расти усы? Сомнительно, что это нормальный процесс для женского тела.

Я отправилась к гинекологу, чтобы провести анализ моих волосяных фолликулов и, возможно, диагностировать и вылечить таинственный недуг.

К сожалению, у доктора для меня была плохая новость: я нормальная. Она объяснила, что есть три причины, по которым у женщин может быть слишком много волос на теле. Поликистоз яичников, гормональный дисбаланс или просто гены. «У многих восточных европейцев много темных, толстых волос», – сказала доктор Хризомалис. Могу поклясться, во время разговора она пялилась на мой подбородок.

Одна мастерица депиляции как-то сказала, что знает, с чем предстоит иметь дело, до того, как человек снимет штаны, потому что все видно по бровям. Почему бы доктору тогда не полюбоваться моими глазами?

«Но ведь должна же быть еще какая-то причина», – умоляла я. Я даже задумалась, не наступила ли у меня ранняя менопауза. И приливы были, я уверена. К тому же меня никогда не оставляла надежда, что я наполовину мужчина. Может, просто яички еще не опустились? «У меня есть волосы даже на...»

Но нет, я не отважилась рассказать доктору про волосы на сосках. Да и зачем? Я их специально выщипала утром, перед тем как пойти к врачу.

«Не думаю, что у вас поликистоз, – сказала доктор. – Другие симптомы: набор веса и акне, но если вам от этого будет легче, можем взять анализ крови на уровень гормонов».

Она взяла немного крови и назначила ультразвук. Это приподняло мне настроение. Вот бы что-то оказалось не так! Тогда у меня был бы диагноз и путь к излечению. Я бы перестала сходить с ума.

Но ультразвук показал, что с яичниками все в порядке. Нет кисты. Нет даже спрятанных мужских яичек. Когда я пришла к гинекологу за результатами анализов крови, она сказала, что гормоны тоже в порядке.

«В порядке? Точно?»

«В полном порядке».

Так доктор сказала, что быть мохнатым чудищем – нормально. Я чувствовала облегчение, ужас и растерянность.

* * *

Отказаться от лазера мне никак не удавалось. Я продолжала ходить в салон под названием «Американский лазер» на Бродвее около 22-й улицы на Манхэттене. В приемной у них горой лежали журналы типа People и ОК!. Думаю, журналы были положены с явной целью. Разглядываешь Ким Кардашьян – ни пор, ни фолликулов – и радуешься, что сейчас твоему телу будут наносить повреждения неведомым прибором.

Не люблю эти журналы и считаю их пустышками, тратой времени, но лишь потому, что они меня захватывают и держат по несколько часов. Стыд, да и только: вместо того что-

бы разбираться в причинах экономического кризиса, я хочу читать о том, как часто Анджелина Джоли прибегает к услугам няньки.

Значит, захожу я в комнату для лазерных процедур, представляю себя безволосой девушкой с обложки и прошу мастера врубить лазер на полную катушку. Ну, в безопасных пределах, конечно.

«Будет больно», – говорит она мне.

«Не важно», – отвечаю я.

«Скажите, если слишком высокая мощность!»

«Недостаточно высокая! Не стесняйтесь!»

Волосы превращают меня в психопатку. Никогда я себя так не веду, ну, может, только когда пеку булки. (Я настоящий контрол-фрик в вопросах выпечки.)

«Американский лазер» находился в том же здании, что и кастинг-агентство. Иногда в лифте я бормотала себе под нос диалоги из «Трамвая „Желание“» и наносила на губы бальзам, чтобы никто не узнал, куда я на самом деле направляюсь.

Что ты, глупыш, я не волосатая. Я актриса.

Я также скрывала это от своего парня, Дэйва, с которым мы встречаемся с 2008 года. Я выбрасывала напоминания о записи на прием, чтобы он их не нашел, и использовала секретный шифр – «пообедать с Лесли» или просто «!» – когда записывала их в свой календарь.

Когда мы съехались в 2010 году, возникла новая пробле-

ма. Находиться в постоянной близости друг с другом – чертовски опасно. Я занималась депиляцией, словно я десантник на тайной операции. Запасные лезвия и пинцеты я прятала по сумкам и по углам ванной. Настоящим спасением оказались соревнования по ММА. Дэйв залипал на диване часами, наблюдая за тем, как борются друг с другом безволосые мужчины, пока я тусовалась в ванной с моим нержавеющим пинцетом марки Tweezerman. Если Дэйв спрашивал, что я там застряла, я говорила, что давлЮ прыщи или жду, пока молоко из утреннего кофе проделает путь по моим кишкам. Это его затыкало.

Мне было легче признаться Дэйву в том, что я какаю, чем в том, что я выщипываю волосы. Если он узнает, что я волосатая, в его глазах я стану испорченной, сломанной. Как когда покупаешь подержанную тачку, а потом узнаёшь, что она полное дерьмо. Но также мне хотелось, чтобы он меня знал и принимал такой, какая я есть. Я знаю: когда мы обнимаемся, а я только и думаю, как бы так повернуться, чтобы Дэйв не увидел какой-нибудь волосок, вырвавшийся на свободу, это не укрепляет наши отношения. Если уж быть совсем честной, я бы это не писала, если бы мы не помолвились. Если бы я не скрывала волосатость в те дни, когда часто ходила на свидания, это уничтожило бы мой рейтинг на JDate³ и match.com⁴.

³ Еврейский сайт знакомств.

⁴ Международный сайт знакомств.

Не продашь ведь машину, если всем показывать, что у нее глубокая кривая пробоина на водительской двери.

Мне жутко не нравится так думать, но что поделать.

И раз уж я говорю о том, что мне не нравится, – это немного не в тему, но больше всего я ненавижу, когда другие девушки хвалят мои брови. В нулевых густые брови вновь вошли в моду. «Ох, какие пышные, красивые, вот бы мне такие», – говорят подруги. Compliments обычно поступают от светловолосых, светлокожих женщин. Хотя бы раз густобровая женщина сказала что-то о моих бровях. Знаете почему? Они-то знают всю подноготную. Если бы светлые красотки знали, какую веселую жизнь нам устраивают эти две вредные гусеницы, они бы всплеснули руками и убежали прочь.

В общем, на лазер я ходила три года.

Когда подошел к концу последний визит, я попросила поговорить с менеджером.

«Процедура не помогла», – сообщила я ей.

Я хотела, чтобы подбородок был гладким, как кусок полированного гранита, или деньги назад. Хотя я знала правду. Лазер хорошо помогает при темных волосах: лобковых, под мышками, на мужской бороде. Все потому, что он реагирует на меланин в фолликуле. Что же до светлых, тонких волос вроде моих добрых приятелей на подбородке, то на них лазер не всегда действует.

«Лицо вообще капризное, – ответила менеджер. – Мы так всегда клиентам и говорим. Если хотите, мы запишем вас на

еще один сеанс».

«Зачем мне еще сеансы, если за три года не помогло?»

«Лицо очень капризное», – повторила менеджер.

Я на нее уставилась. Менеджер захихикала.

«Почему вы смеетесь?» – спросила я.

Она выпрямила спину и расслабила челюсть.

«Это не смешно, – сказала я, повысив голос. – Я. Все. Еще. Волосатая!»

Я встала и вышла, не закончив разговор. Я ушла со знанием, что никогда не вернусь, хотя втайне мечтала запереться в одном из кабинетов с лазером и жалить себя в лицо на полной мощности, пока меня оттуда не выведет спецназ.

Я знала, что больна, но как еще обрести гармонию с собственным телом, если не сжигать кожу с помощью оружия?

* * *

После визита к врачу и посещения лазерной клиники я несколько месяцев пребывала в волосатых муках, подготавливая следующий шаг. Вместо того чтобы жить здесь и сейчас, избавляясь от каждой волосинки по мере ее появления (хотя этим я тоже занималась), я начала задумываться о странной иронии этой ситуации. Чтобы стать полноценной женщиной, мне необходимо избавиться от части себя. Но почему? Зачем стыдиться и бояться естественных проявлений женской природы? Необходимость быть безволосой застав-

ляет меня скрываться от жениха, тратить тысячи долларов, чувствовать себя хуже других женщин.

Долгие годы я притворялась, будто у меня нет того, что очень явно присутствует. Это отнимает кучу энергии.

Я люблю получать ответы на вопросы, поэтому я притворилась репортером и позвонила в журнал Allure. Я попросила к телефону редактора рубрики красоты, Хизер Мьюр. Честно говоря, Хизер мне не нравилась еще до того, как мне удалось с ней поговорить. Мне не нравились ее взгляды, а к тому же ее имя ассоциировалось у меня с легким светлым пушком на бедрах, который даже сбривать не надо. И хотя я следую некоторым трендам красоты, которые пропагандируют журналы и сама Мьюр, в целом я против того, чтобы кто-то выдавал свое субъективное мнение за аксиому для миллионов женщин. Именно из-за таких, как Мьюр, я за последние пятнадцать лет перенесла столько боли во время удаления волос, что испытай я всю эту боль разом, исход наверняка был бы летальным.

«В целом вы хотите выглядеть как можно более ухоженно и чистоплотно, и устранять нежелательные волосы для этого тоже нужно, – объяснила Мьюр. – Ухаживайте за ними и будете выглядеть на все сто».

Во время разговора я хотела повеситься. «Но почему мы пытаемся избавиться от волос?»

«Чтобы быть более уверенными в себе, – ответила она. – И чтобы нас лучше принимало общество».

Эта телка явно была блондинкой. Я это чувствовала. В крайнем случае камбоджийкой.

Мьюр привела в пример комедийную актрису Мо'Ник, которая явилась на вручение награды «Золотой глобус» в 2010 году с волосатыми ногами, как притчу во языцех. «Это табу, всем было неловко, все смеялись, – пояснила Мьюр. – Вот пример девушки, о которой говорят: упаси господь».

Мьюр рассказала про тренды на бикини и процитировала Синди Баршоп, которая основала сеть салонов Completely Bare («Полная обнаженка», начальные буквы перекликаются с инициалами Синди). Салоны специализируются на лазерном удалении волос. Баршоп недавно попала в газеты, так как организация по защите прав животных РЕТА осудила ее лобковые парики из лисьего меха. Да, парадокс: Синди считает, что волосы надо выдирать, а потом украшать гениталии яркими перьями и мехом животных.

Я понимала, о чем говорит Хизер. Я сама только недавно попробовала бразильскую депиляцию. В октябре, перед днем рождения Дэйва. Специально для него я удалила все волосы на лобке, остался только маленький треугольник посередине («посадочная полоса»).

Дэйву понравилось. Очень.

Я расстроилась. «Что, тебе не нравится, когда у меня все натуральное? Когда я – это полностью я?»

«Это мне тоже нравится, – сказал он. – Ты мне нравишься в любом виде».

«Кажется, так тебе приятнее».

«Ты разве не специально сделала это к моему дню рождения, чтобы сделать мне приятное?»

«Да, но...»

Тут я поняла. Нет, ничего я не поняла. Я перенесла еще один болезненный ритуал, но зачем – не могла объяснить ни себе, ни своему бойфренду.

В конце концов, без волос на лобке странно. Когда-то я так гордилась волосами, а тут их не стало, и это вызывало одобрение. Будто бы у меня вместо вульвы птенец, розовый, только вылупившийся. Я засунула его в штаны, и теперь он потихоньку задыхается у меня между ног. К тому же я поняла, как мало ценила лобковые волосы, когда оказывалась в душе без мочалки. От мохнатки есть польза – и в самом деле немалая: например, она прекрасно помогает намылиться.

Я думала, что я одна такая смекалистая, пока не прочитала книгу «Голая женщина» Десмонда Морриса о племени, живущем на архипелаге Бисмарка в южном Тихом океане. Люди этого племени пользуются лобком, чтобы вытереть руки, когда они испачкаются или намокнут. «Прямо как мы полотенцем».

Впрочем, самое жуткое выяснилось, когда после депиляции лобковые волосы стали отрастать. Выглядело как лишай, а по ощущениям тянуло на ветрянку.

Вернемся к Синди Баршоп, нашей королеве чистоты. Раз уж Allure и другие журналы о красоте на нее ссылаются (ко-

нечно, это внушало страх за будущее Америки и психику всех волосатых женщин, ее населяющих) – то справедливо-сти ради мне стоило с ней встретиться. Я отправилась послушать Синди Баршоп в ее салон на Пятой авеню.

Баршоп была участницей четвертого сезона реалити-шоу «Настоящие домохозяйки Нью-Йорка». Это значит, что она высокая и худая, широкие скулы и надутые губы. Я из принципа уже была против нее.

«Это мода», – сказала Баршоп, сидя в своем заднем офисе – угловой секции салона, отгороженной стеклянными створчатыми дверьми от приемной, обставленной в стиле барокко. «В смысле мы все это знаем. У женщины не должно быть волос на лице. Оно должно быть ухожено. В других местах тоже нет волос. Никто ведь не говорит: „Давайте отращивать волосы на руках, выглядит классно!“».

А я? Я бы сказала.

«Как вы считаете, монобровь – это нормально?» – спросила я. У меня были волосы на руках, и хотелось сменить тему, просто чтобы интервью стало объективным, а информация могла оказаться полезной.

Синди подняла глаза от телефона; она писала сообщение, пока я задавала вопрос.

«А вы сами как думаете?»

Я думала, что хочу засунуть телефон ей в глотку. Вместо этого я перешла к следующему вопросу: «А бикини?»

«Полностью голенькое все, – ответила она. – Тут вообще

без разговоров».

«А как же полосы, треугольники посередине?»

«Ой, это так устарело», – засмеялась она.

«Насколько?»

«Лет пять-семь назад такое было в моде».

«Надо же, а мне вот на днях сделали».

Молчание.

Этой паузой Баршоп намекнула мне, что моя вульва настолько старомодна, будто она одета в однотонный велюровый спортивный костюм от Juicy Couture.

Потом она рассказала мне о новой линейке для девочек от одиннадцати до тринадцати лет, чтобы они могли безопасно избавляться от волос.

На этом моменте разговора я стала фиксироваться на ее верхней губе. Не могла оторваться. Это был абсолютно гладкий лоскут голой кожи. Я ненавидела все, за что она выступает, и в то же время не могла не позавидовать отсутствию волос. Ни намека на пушок. Неужели она даже во влагиалище себе лазером стреляет?

Наконец я спросила эту зловредную женщину, хорошо ли ей от того, чем она занимается. Я не уточнила, как определяю ее деятельность, но про себя подумала: «уничтожение умов и ценностей миллионов женщин по всему миру».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.